

ЕВГЕНИЯ И. ДЕМИНА
(Москва)

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ИЗУЧЕНИИ РУКОПИСИ № 21 СОБРАНИЯ КОПИТАРА В ЛЮБЛЯНСКОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Тема этой небольшой статьи, посвященной светлой памяти академика Павле Ивича, навеяна размышлениями о задачах истории славистики, в которой труды покойного займут по праву свое достойное место, о важности полноты наблюдений над ее постепенными шагами, этапами развития, каждый из которых заслуживает внимания при построении ее здания в целом, о необходимости введения в научный обиход наших дней отчасти забытых или доныне не привлечших к себе внимания эпизодов.

В этом аспекте хотелось бы, например, рассмотреть, как представлены данные об истории изучения рукописи № 21 собрания Копитара в Любляне в известной и очень важной книге К. Куева „Судьба древнеболгарской рукописной книги в веках“ (Киев 1988, 50). Об этом здесь сказано буквально следующее: „Как и когда попала рукопись в руки Копитара, неизвестно. В конце XIX в. когда Стоян Аргиров (1870–1939) находился в Праге, ему удается при содействии проф. Поливки получить на сравнительно долгое время рукопись из Любляны. Аргиров ее переписывает, исследует и издает“. В библиографии к описанию указывается этот труд Аргирова (Аргиров 1895–1900), а также описания, в которых она упоминается (Яцимирский 1921, 907–908; Мошин 1971, 88–92).

Между тем, рукопись № 21 университетской библиотеки в Любляне, известная ныне как Люблянский дамаскин XVII в. – один из первых новоболгарских дамаскинов (см. о них: Демина 1968; 1971; 1985), ставших известными славянскому миру еще в середине XIX в. благодаря изысканиям Ю. И. Венелина, П. И. Прейса, В. И. Григоровича, Фр. Миклошича, В. И. Ламанского, И. И. Срезневского, которые получили отражение в их публикациях и переписке. Более того, опубликованное в 1869 г. исследование рукописи Ламанским явилось истинным открытием самого феномена новоболгарской

письменности на народном в своей основе языке, убедительным обоснованием ее значения не только для истории болгарского языка, но и для славянского языкознания в целом (Ламанский 1869, ч. 143, 144). Кстати, именно исследование Ламанского и привлекло внимание Аргирова к этому памятнику болгарской письменности, как он сам сообщает об этом в своем труде (Аргиров 1895, 464–465).

Но и до Ламанского письменность новоболгарских дамаскинов, в частности Люблянская рукопись, обратили на себя внимание первых филологов-славистов. Так, самые первые сведения о письменности на новоболгарском языке принадлежат одному из первых российских болгаристов Ю. И. Венелину, которому во время его ученого путешествия на Балканы в 1830–1831 г. удалось познакомиться с „рукописными книгами на лощеной бумаге и на новоболгарском наречии“, о чем он сообщил в печати (Венелин 1838, 8–9). Венелину отечественное славяноведение обязано приобретением ценнейшего памятника новоболгарской письменности XVII в. – Тихонравовского дамаскина. В свое время мне удалось показать, что Венелин подготовил к изданию текст Жития Петки Тырновской по Тихонравовскому дамаскину, который он намеревался привести в качестве Хрестоматии к завершенной им в 1834 г. „Грамматике нынешнего болгарского наречия“ (изданной лишь в 1997 г. стараниями Г. К. Венедиктова). Сам выбор для иллюстрации болгарского языка текста из дамаскина свидетельствует о том, как высоко оценивал Венелин книжный болгарский язык на народной основе, отраженный в новоболгарской письменности.

Следующим по времени дамаскином, привлечшим к себе внимание, и была интересующая нас здесь Люблянская рукопись собрания Копитара. Это утверждение в самое последнее время было выдвинуто мной в результате догадки, мелькнувшей у меня при чтении „Донесения П. Прейса министру Народного Просвещения из Загреба, от 10 ноября 1841 г.“ (Прейс 1841, 43–44).

На чем основано это убеждение? Как известно, молодой русский славист П. И. Прейс в 1839–1842 гг. предпринял ученое путешествие в славянские страны. После окончания своих занятий в Праге, где он серьезно занимался болгарским языком, в начале марта 1841 г. Прейс прибывает в Вену, предполагая „посвятить некоторое время изучению письменных памятников, хранящихся в Венской Придворной библиотеке“, хранителем которой был Копитар. „И собственно ему принадлежащее собрание книг и рукописей, – пишет Прейс, – было для меня доступно. Между прочим, я обязан ему за сообщение одной драгоценной новоболгарской рукописи. Она заключает в себе: 1) Поучение о

втором пришествии, 2) Жития св. Николая, Георгия, Пятки Тырновской, 3) и два слова Иоанна Златоустаго. Местами у автора пробивается желание писать по грамматике церковнославянской; но не в такой степени, в какой у новейших болгарских писателей. Правописание, по моему мнению, лучшее, нежели в печатных болгарских книгах, и более сообразное с выговором, нежели то, которое придумано Неофитом, Сапуновым, Стояновичем“ (Прейс 1842, 43). Характеристика языка „драгоценной новоболгарской рукописи“, ее состав, совпадающий с составом Люблянской рукописи № 21, то, что она принадлежала Копитару – учет этих фактов и позволил мне идентифицировать обе рукописи. Вряд ли Копитар владел двумя новоболгарскими рукописями одинакового состава. Но ведь мы знаем, что рукопись № 21 хранится в Любляне в собрании Копитара?

В объяснении нуждается и другой факт. Известно, что над Люблянской рукописью собрания Копитара работал В. И. Григорович во время своего известного путешествия по Европейской Турции в 1844–1846 гг. В письме И. И. Срезневскому от 3 июля 1848 г. Григорович называет в числе других известных ему рукописей „на простом болгарском языке“ и интересующую нас рукопись: „Сборник в Лайбахе из ркп. Копитара, где между прочим житие м’тре нашей Петкы Трновскія“ (Срезневский 1937, 28–29). По сообщению Ламанского в упомянутой выше работе, в рукописи в Любляне находится карточка с кратким описанием ее содержания и заметкой: „Manuscriptum neobulgaricum... Inter memorabilia referendum“, выполненной рукой Григоровича, что засвидетельствовано хранителем библиотеки (Ламанский ч. 143, 350–351). Получается, что Прейс и Григорович работали над новоболгарской рукописью из собрания Копитара примерно в одно время, но в библиотеках разных городов (Прейс – в 1841 г. в Вене, Григорович – не ранее 1844 и не позднее 1846 – в Любляне [Лайбахе]). Привлечение необходимого круга данных позволяет дать непротиворечивое объяснение этому факту. Как известно, словенский филолог-славист В. Копитар начинал свою деятельность в качестве преподавателя в Любляне, а затем большую часть своей жизни провел в Вене, работал в Придворной библиотеке. После его смерти, последовавшей в 1844 г., собрание его книг и рукописей в 1845 г. было выкуплено для гимназической библиотеки в Любляне. Григорович выехал из Одессы 20 августа 1844 г. и провел в Европейской Турции 11 месяцев. Люблян он, очевидно, посетил уже в самом конце своего путешествия, когда Люблянский дамаскин уже был выкуплен гимназической библиотекой вместе с собранием Копитара. Маршрут путешествия Григоровича: Цариград – Солун – Афон – Македония – София – Филиппополь –

Сопот – Карлово – Калофер – Тырново – Свиштов – Валахия – Венгрия – Вена – Далмация – Венеция – Загреб – Черна Гора – Прага – Берлин – не противоречит этому допущению.

Итак, полагаю, что П. И. Прейс был вторым (после Венелина) российским ученым, ознакомившимся с одним из памятников новоболгарской письменности, и первым из отечественных славистов, кто работал с Люблянским дамаскином, дал ему высокую оценку, назвав „драгоценной новоболгарской рукописью“ и подчеркнув достоинства принятого в ней правописания по сравнению с правописанием „новейших болгарских писателей“.

В начале 60-х годов XIX в. над Люблянской рукописью работал Фр. Миклошич, собирая материал для своего словаря (Миклошич 1862–1865). Ламанский отмечает, что, хотя Миклошичу „само собой разумеется эта рукопись была хорошо знакома, и он пользовался ею в своем словаре“, не все любопытные слова и выражения вошли в его словарь. „Иначе,“ — замечает Ламанский, — „и быть не могло, так как в своем словаре Миклошич имел целью представить богатства древнеили церковно-славянского, а отнюдь не болгарского наречия XVI–XVII веков“ (Ламанский ч. 143, 351). Ламанский выражает сожаление, что ни Миклошич, ни Григорович и никто другой из славистов не употребил рукопись для грамматических исследований, не представил хотя бы кратко ее описания и не сообщил даже отрывков из нее.

Истинное открытие Люблянского дамаскина как представителя новой болгарской письменности и народного в своей основе языка принадлежит Ламанскому, который посвятил ему обширное исследование в двух частях с общим заглавием „Непорешенный вопрос. Статья II. Болгарское наречие и письменность в XVI–XVII вв.“ (Ламанский 1869, ч. 143, 144). Ему мы обязаны первым описанием самого феномена новоболгарской письменности, определением его важнейшего значения „для возбуждения вновь вопроса о происхождении древнеславянского языка и для точнейшего ознакомления с генетическим развитием болгарского наречия“ (Там же ч. 143, 353), ибо „язык этой болгарской рукописи в Любляне совершенно так же народен и столь же мало похож на язык древне-славянский, как народна по языку любая московская грамота XVI–XVII века, или как далек от языка Остромирова Евангелия язык Кохановского и Скарги, или Коменского и Павла Скалы, или Марка Марулича и Гундулича“ (Там же ч. 143, 351). Проведенное Ламанским сопоставление свидетельствует о том, что язык Люблянского дамаскина он оценил и в сравнительно-историческом аспекте, сумел показать его место в кругу типологически сходных книжно-письменных идиомов эпохи.

Высоко оценив мастерство книжника болгарского, которому, как думал Ламанский принадлежит авторство Слова о втором пришествии (в Люблянской рукописи это слово не имеет начала, и Ламанский не знал, что оно принадлежит Дамаскину Студиту), „так искусно владевшего народной речью и столь явно стремившегося к изложению простому и удобопонятному“ (Там же ч. 144, 90), Ламанский приходит к верному выводу: „все это может служить доказательством того, что этот писатель не был у болгар первой половины XVII в. явлением одиноким. Он не мог не иметь предшественников, примеров и образцов. Эта статья не могла, не может быть единственным произведением болгарской словесности XVII в.“ (Там же ч. 144, 106).

Отметив, что статьи Люблянской рукописи написаны разными почерками и возможно с разных оригиналов, Ламанский подчеркивает, что они тем не менее изложены на одинаково народном языке. Внимание Ламанского привлекает правильное, систематическое следование принятому правописанию. Это позволяет ему поднять вопрос о создателях новоболгарского письменного языка, отраженного в Люблянском дамаскине, о возможном существовании целой школы писателей, переводчиков или перелагателей, целью которых было создание письменности на народном болгарском языке. В труде Ламанского находим довольно подробное исследование фонетических и морфологических особенностей рукописи, а также словарь замечательных слов и выражений (Там же ч. 143, 365–378), насчитывающий 287 слов. Каждое слово, приведенное в той форме, в которой оно отмечено в тексте, сопровождается примером: „ада: знаіах една ада малка у море то, где обтиче вода на околу; бичове: да го біять със бичове немлствно“.

Значительное место Ламанский уделяет текстологическим наблюдениям и анализу Люблянского дамаскина как памятника словесности. И хотя в этих наблюдениях есть и ошибочные – Ламанский, как известно, писал свое исследование в Венеции, сразу после того как проездом через Любляну в 1868 г. ознакомился с рукописью № 21 собрания Копитара, сделав из нее обширные выписки и торопясь познакомить с этими наблюдениями научную общественность — ему удалось сделать ряд метких замечаний, выделить в тексте ряд чтений, характерных только для болгарского источника (их нет в греческом тексте) и содержащих данные о болгарском быте и нравах той эпохи. Он точно датирует Люблянскую рукопись, опираясь на эти данные (не раньше второй половины XVI в. и не позднее первой половины XVII в.) и публикует из нее ряд обширных выписок.

Важно подчеркнуть, что Ламанский рассматривал Люблянскую рукопись как возможный образец пути решения кардинального для Болгарии вопроса о создании современного болгарского литературного языка. Отметив, что „Люблянская рукопись принадлежит к замечательнейшим и любопытнейшим памятникам славянским и как памятник болгарской словесности XVI–XVII в., и как памятник чисто-народного болгарского наречия этого времени“ (Там же ч. 144, 120), он заключает: „на этот памятник болгарский с... правом могут указать новейшие болгарские писатели, настаивающие на законности и необходимости литературной обработки чисто-народного болгарского наречия“ (Там же ч. 144, 120).

Труд В. И. Ламанского привлек к Люблянской рукописи внимание многих исследователей новоболгарской письменности. В 1872 г. И. И. Срезневский проводит ее текстологическое сопоставление с Ханджарским дамаскином архаичной редакции и приходит к выводу, что Люблянская рукопись важна „как образец употребления болгарского наречия вместо церковного“ (Срезневский 1874, 231). Срезневский опубликовал по записям Ламанского полный текст Слова о втором пришествии по Люблянской рукописи, а также отрывки из других статей. До Аргирова Люблянским дамаскином занимались В. Ягич, П. Сырку и др. Сам Аргиров в предисловии к своему изданию Люблянской рукописи XVII в. отмечает, что этой работой Ламанский принес „большую пользу... славянскому и особенно болгарскому языковедению, познакомив славянский мир еще в 1869 г. со столь важным памятником“ (Аргиров 1895, 464). Таковы первые шаги в изучении замечательной новоболгарской рукописи из Любляны, которые нельзя обойти молчанием.

ЛИТЕРАТУРА

- Аргиров 1895–1900: Ст. Аргиров. *Люблянски български ръкопис от XVII век* // СБНУ, кн. XII, 1895, с. 463–560; кн. XVI–XVII, 1900, с. 246–313.
- Венелин 1838: Ю. И. Венелин. *О зародыше новой болгарской литературы*. 1. Москва, 1838.
- Демина 1968, 1971, 1985: Е. И. Демина. *Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в.* Ч. 1. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968; ч. 2. Палеографическое исследование и текст. София, 1971; ч. 3. *Тихонравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка XVII в. на народной основе*. София, 1985.
- Кувев 1988: К. Кувев. *Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете*. София, 1988.

- Ламанский 1869, ч. 143, ч. 144: В. И. Ламанский. *Непорешенный вопрос. Статья II. Болгарское наречие и письменность в XVI–XVII вв.* // ЖМНП, 1869, ч. 143, с. 349–376; ч. 144, с. 84–123.
- Миклошич 1862–1865: Fr. Miklosich. *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum*. Wien, 1861–1865.
- Мошин 1971: Vl. Mosin. *Kopitarjeva zbirka slovanskih rokopisov*. Ljubljana, 1871.
- Прейс 1842: П. И. Прейс. *Донесение П. Прейса министру Народного Просвещения, из Загреба, от 10 ноября 1841 г.* // ЖМНП, 1842, ч. 33, отд. IV.
- Срезневский 1874: И. И. Срезневский. *Разбор сочинения К. Невоструева: Слово св. Ипполита об антихристе в славянском переводе* // Отчет о XV присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1872 г. Санкт-Петербург, 1874.
- Срезневский 1937: В. И. Срезневский. *Переписка И. И. Срезневского с В. И. Григоровичем* // Сп.БАН, кн. LIV, кл. историко-филологичен и философско-обществен, 26, 1937.
- Яцимирский 1921: А. Яцимирский. *Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек*. Петроград, 1921.